

e-ISSN 3060-5059

DOI: 10.67227

IJTIMOYIY-GUMANITAR SOHADA ILMIY-INNOVATSION TADQIQOTLAR

ILMIY METODIK JURNAL

Scientific and Innovative Research in
Social and Humanitarian Studies

Vol. 3 • Issue 8

2026

Founded in 2024

publishscience.uz

publish_science_journal@mail.ru

PEER REVIEWED • OPEN ACCESS

DAVLAT TOMONIDAN KAMBAG‘ALLIKNI ANIQLASH VA RESURLARNI TAQSIMLASH BO‘YICHA QAROR QABUL QILISH MEKANIZMLARI

Sharobiddinov Shoxislombek

O‘zbekiston jurnalistika va ommaviy kommunikatsiyalar universiteti, o‘qituvchi.

e-mail: shohislom333@gmail.com ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7830-9604>

Аннотатсия.

Maqolada davlatning kambag‘allikni aniqlash va resurslarni taqsimlash bo‘yicha qaror qabul qilish mexanizmlari siyosatshunoslik nuqtayi nazaridan tahlil qilinadi. O‘zbekiston misolida normativ, axborot va diskretion konturlardan iborat uch qatlamli model taklif etiladi hamda targetlash xatolari va institutsional risklarni kamaytirish yo‘llari asoslanadi.

Kalit so‘zlar: kambag‘allik, ijtimoiy reyestr, targetlash, qaror qabul qilish, resurslarni taqsimlash, ijtimoiy siyosat, ko‘p o‘lchovli kambag‘allik, ma‘muriy diskretsiya.

МЕХАНИЗМЫ ПРИНЯТИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ РЕШЕНИЙ ПО ВЫЯВЛЕНИЮ БЕДНОСТИ И РАСПРЕДЕЛЕНИЮ РЕСУРСОВ

Шаробиддинов Шохисломбек

Университет журналистики и массовых коммуникаций Узбекистана, преподаватель.

Аннотация.

В статье с политологической точки зрения анализируются механизмы принятия государственных решений по выявлению бедности и распределению ресурсов. На примере Узбекистана предлагается трёхуровневая модель, включающая нормативный, информационный и дискреционный контуры, а также обосновываются пути снижения ошибок таргетирования и институциональных рисков.

Ключевые слова: бедность, социальный реестр, таргетирование, принятие решений, распределение ресурсов, социальная политика, многомерная бедность, административная дискреция.

MECHANISMS OF STATE DECISION-MAKING ON POVERTY IDENTIFICATION AND RESOURCE ALLOCATION

Sharobiddinov Shoxislombek

University of Journalism and Mass Communications of Uzbekistan, Lecturer.

Abstract.

This article analyzes government decision-making mechanisms for identifying poverty and allocating resources from a political science perspective. Using Uzbekistan as a case study, a three-layer model comprising regulatory, informational, and discretionary dimensions is proposed. The study also identifies and substantiates approaches to reducing targeting errors and institutional risks.

Keywords: poverty, social registry, targeting, decision-making, resource allocation, social policy, multidimensional poverty, administrative discretion.

Введение. Бедность принято описывать языком экономической статистики, однако сама процедура признания человека или семьи бедными представляет собой управленческий и, в конечном счёте, политический акт. Государство не просто фиксирует сложившееся распределение доходов — оно устанавливает границу, по одну сторону которой возникает право на публичный ресурс, а по другую — его отсутствие. Именно поэтому механизмы выявления бедности принадлежат предметному полю политической науки: они определяют, каким образом власть классифицирует общество, кому адресуется перераспределение и на каких основаниях это перераспределение легитимизируется в глазах граждан.

Теоретическая уязвимость любого такого механизма была показана ещё А. Сеном. Он продемонстрировал, что массовый голод возникает не столько вследствие физической нехватки продовольствия, сколько вследствие разрушения системы правомочий доступа к нему [1; С. 45–46], а сама бедность должна пониматься как лишение базовых возможностей человека, а не только как низкий уровень дохода [2; С. 87–89]. Отсюда следует принципиальный вывод: любой применяемый государством измеритель бедности является упрощением реальности, и выбор этого упрощения есть политическое решение, а не техническая процедура.

Институционализация государственного механизма выявления бедности в Узбекистане прошла несколько последовательных этапов, зафиксированных в нормативных актах 2020–2026 годов. Отправной

точкой этого процесса стало постановление Президента Республики Узбекистан от 4 августа 2020 года № ПП-4797, которым информационная система «Единый реестр социальной защиты» была распространена на всю страну и введён запрет истребовать у граждан значительную часть справок при назначении социальной помощи [13]. Далее Указом Президента от 8 мая 2025 года № УП-84 была закреплена дифференциация семей, включённых в Реестр бедных семей, на «красную», «жёлтую» и «зелёную» категории с привязкой мер поддержки к соответствующей категории [14]. Наконец, Указом Президента от 26 декабря 2025 года № УП-258 на базе «Единого реестра социальной защиты» и Реестра бедных семей с 1 февраля 2026 года образован Единый социальный реестр [15], порядок ведения которого детализирован постановлением Кабинета Министров от 29 января 2026 года № 35, вступившим в силу 2 февраля 2026 года [16].

Параллельно менялись и количественные показатели. По совместным оценкам Национального комитета по статистике и Всемирного банка, уровень бедности снизился с 14,1 % в 2022 году до 11 % в 2023 году, 8,9 % в 2024 году [18] и 5,8 % в 2025 году [19]. Стоимость минимальных потребительских расходов, выполняющая функцию национальной черты бедности, на 2026 год определена в размере 715 тыс. сумов на душу населения в месяц [17]. Столь быстрая динамика ставит перед исследователем самостоятельный вопрос: в какой мере сокращение показателя отражает реальное улучшение положения домохозяйств, а в какой — чувствительность самого измерительного инструмента и административные стимулы тех, кто его применяет.

Цель настоящей статьи — раскрыть внутреннюю структуру государственных механизмов выявления бедности и принятия решений о распределении ресурсов, а также выявить институциональные риски, снижающие качество этих решений. Научная новизна работы состоит в предложенной автором трёхконтурной аналитической модели, позволяющей разделить нормативный, информационный и дискреционный уровни принятия решений и локализовать источник ошибки на каждом из них.

Анализ литературы и методология.

В литературе сложились три конкурирующие традиции определения бедности, и каждая из них задаёт собственную логику государственного решения. Абсолютистская традиция исходит из фиксированной потребительской корзины и порождает монетарную черту бедности. Релятивистская традиция, наиболее полно развёрнутая П. Таунсендом, определяет бедность как невозможность участвовать в образе жизни, признанном в данном обществе нормальным [3; С. 31], и переносит акцент с выживания на социальное исключение. Депривационно-многомерная традиция, представленная методологией С. Алкире и Дж. Фостера, использует двойную границу отсечения: сначала определяется депривация по каждому измерению, затем — число измерений, при котором человек признаётся бедным [6; С. 478–479]. Именно этот подход лежит в основе глобального индекса многомерной бедности и обсуждается в Узбекистане как перспективный дополнительный измеритель.

Аксиоматическая база измерения задана классическими работами. Индексы Дж. Фостера, Дж. Грира и Э. Торбека позволяют отдельно оценивать распространённость, глубину и остроту бедности и обладают свойством декомпозируемости по группам населения [4; С. 761–762], что критически важно для регионального управления. Э. Аткинсон, в свою очередь, показал, что выбор параметра неприятия неравенства при агрегировании неустраим и всегда содержит ценностное суждение [5; С. 750]. Для политолога это означает, что спор о методике измерения бедности является скрытой формой спора о справедливости.

Ключевой для настоящего исследования является работа Д. Коуди, М. Грош и Дж. Ходдинотта, обобщившая опыт 122 антибедностных программ в 47 странах. Авторы установили, что медианная программа доставляет бедным на 25 % больше ресурсов, чем равномерное распределение, однако разброс результатов между программами чрезвычайно велик, а наиболее устойчиво прогрессивными оказываются проверка нуждаемости, географическое таргетирование и самоотбор через трудовое требование [7; С. 3–5]. Этот вывод задаёт эмпирическую рамку для оценки узбекистанской модели.

Теория принятия решений добавляет к экономическому анализу измерение организационного поведения. Г. Саймон обосновал ограниченную рациональность управленца, который в условиях дефицита информации и времени выбирает не оптимальное, а удовлетворительное решение [8; С. 79–81]. Ч. Линдблом описал реальный процесс государственной политики как последовательные ограниченные сравнения — «продвижение малыми шагами», при котором цели и средства уточняются одновременно [9; С. 81–82]. М. Липски ввёл понятие бюрократии уличного уровня: рядовые исполнители, непосредственно контактирующие с гражданами, обладают значительной дискрецией, и именно их повседневные решения фактически формируют содержание политики [10; С. 13–14]. Применительно к Узбекистану эта оптика прямо адресует роль махаллинских структур и секторов в процедуре признания семьи бедной.

Нормативное обоснование перераспределения опирается на принцип различия Дж. Ролза, согласно которому социальные и экономические неравенства оправданы лишь постольку, поскольку они служат наибольшей выгоде наименее преуспевающих членов общества [11; С. 302–303]. Эмпирическая же линия исследований, представленная А. Банерджи и Э. Дюфло, показала, что поведение бедных домохозяйств рационально в условиях их ограничений, а провалы программ помощи чаще связаны не с иждивенчеством получателей, а с дефектами дизайна самих программ [12; С. 68–70].

Методология исследования. Исследование носит качественный институционально-правовой характер. Эмпирическую базу составили нормативные акты Республики Узбекистан, регулирующие идентификацию нуждающихся и распределение социальных ресурсов [13; 14; 15; 16], а также официальные статистические публикации и аналитические материалы [17; 18; 19; 20]. Применены документальный анализ нормативных

источников, сравнительно-институциональный метод при сопоставлении механизмов таргетирования, а также элементы структурно-функционального анализа при построении авторской модели.

Ограничением исследования является отсутствие открытых микроданных об ошибках включения и исключения, что не позволяет дать количественную оценку точности таргетирования и оставляет соответствующие выводы на уровне институциональной диагностики.

В соответствии с требованиями издательской этики автор указывает, что инструменты искусственного интеллекта использовались исключительно на этапе технического редактирования и форматирования текста; научная концепция, аналитические выводы и интерпретация источников принадлежат автору, который несёт полную ответственность за их достоверность.

Обсуждение.

Государственный механизм выявления бедности целесообразно представить как трёхконтурную систему, в которой решение последовательно проходит нормативный, информационный и дискреционный уровни. Каждый контур обладает собственной логикой, собственным типом ошибки и собственным политическим эффектом, а итоговое качество решения определяется наиболее слабым звеном цепи.

Нормативный контур отвечает на вопрос: «Где проходит граница бедности?». В Узбекистане эту функцию выполняет показатель минимальных потребительских расходов, к которому с 2022 года приравнен критерий среднедушевого дохода при признании семьи малообеспеченной, а также привязаны минимальные размеры ряда пенсий и пособий [20]. Порядок пересчёта предполагает ежегодную индексацию по отдельным индексам цен на продовольственные и непродовольственные товары и услуги. Однако практика 2026 года выявила две уязвимости. Во-первых, обновление показателя было проведено с задержкой относительно установленного срока, что временно рассинхронизировало размеры социальных выплат с фактическим уровнем цен. Во-вторых, при годовой инфляции 7,3 % минимальные потребительские расходы выросли лишь на 6,9 %, до 715 тыс. сумов [17; 20]. Разрыв объясняется отличием структуры потребления обследуемых домохозяйств от структуры общенационального индекса, однако политический эффект сохраняется: даже незначительное методическое расхождение способно изменить формальный статус части домохозяйств, не затронув ни одной характеристики их реальной жизни. Количественная оценка масштаба такого сдвига требует расчёта на микроданных обследования бюджетов домохозяйств и в рамках настоящей работы не производится. Дополнительным ограничением остаётся единый общенациональный характер черты бедности, не учитывающий существенных различий в стоимости жизни между столицей и сельскими районами.

Информационный контур отвечает на вопрос: «На основании каких данных принимается решение?». Именно здесь узбекистанская модель продвинулась наиболее заметно. Логика ПП-4797 состояла в переносе бремени доказывания с гражданина на государство: получение сведений через межведомственную интеграционную платформу «Электронного правительства» заменило истребование справок у заявителя [13]. Указ № УП-84 закрепил, что сведения о признании семьи бедной предоставляются из информационной системы «Единая национальная социальная защита» в автоматическом режиме [14]. Такой переход от заявительного принципа к проактивному существенно снижает издержки участия и, следовательно, ослабляет действие самоотбора как непреднамеренного фильтра, отсеивающего наименее ресурсные домохозяйства.

Одновременно возрастает зависимость решения от полноты и качества административных баз данных. Действующее Положение о порядке ведения Социального реестра решает эту проблему не через исключение ненаблюдаемых доходов из расчёта, а посредством института нормативного дохода: при невозможности подтвердить доход официальными данными расчётная величина вменяется отдельно для неформально занятых, членов семьи, работающих или осуществляющих предпринимательскую деятельность за рубежом, приусадебных и дехканских хозяйств, а также владельцев скота и птицы [16]. Тем самым в монетарный по форме критерий встроен элемент косвенной оценки нуждаемости: решение опирается не на измеренный, а на вменённый доход, рассчитываемый на основе наблюдаемых признаков — минимального размера оплаты труда с коэффициентами по типу населённого пункта и полу, площади участка с коэффициентом земельного налога, условного поголовья скота. Собственным источником ошибки информационного контура является поэтому не невидимость таких домохозяйств, а точность самой процедуры вменения: нормативная величина способна как превышать фактический доход семьи, так и быть ниже него. Систематическая проверка этого расхождения возможна лишь при сопоставлении данных реестра с результатами выборочных обследований домохозяйств.

Дискреционный контур отвечает на вопрос: «Кто принимает окончательное решение о конкретной семье?». Автоматизированная система формирует основание, однако верификация условий проживания, состава семьи и фактического уровня потребления неизбежно опирается на локальных исполнителей. В терминологии М. Липски это классическая ситуация бюрократии уличного уровня, в которой рядовой работник вынужден рутинизировать сложные жизненные случаи и применять упрощающие категории [10; С. 13–14]. Дискреция не является дефектом сама по себе — она компенсирует неизбежную неполноту формальных критериев.

Действующий порядок ограничивает её сразу несколькими процедурными средствами: перечень оснований для отказа во включении в реестр является закрытым, а отказ по не предусмотренным им основаниям не допускается; каждое изменение, вносимое «махаллинской семёркой» в сформированные по опросному листу сведения, подлежит мотивированной фиксации в заключении; заявитель уведомляется о результате и причинах отказа СМС-сообщением; наконец, споры о признании семьи и определении её

категории рассматриваются апелляционными советами по разрешению споров при районных (городских) хокимиятах [16]. Политологический вопрос поэтому смещается с наличия этих механизмов на их фактическую результативность: осведомлённость заявителей о праве на обжалование, распределение бремени доказывания между гражданином и органом, формирование апелляционного совета в рамках той же исполнительной вертикали, решения которой он проверяет, а также отсутствие публикуемой статистики поданных и удовлетворённых жалоб. Эмпирическая проверка этих параметров выходит за пределы документального анализа и требует отдельного исследования.

Сопоставление применяемых в мировой практике методов таргетирования позволяет точнее локализовать риски каждого из контуров (таблица 1).

Таблица 1. Методы таргетирования и характерные риски принимаемых решений

Метод таргетирования	Информационная основа решения	Ключевой риск для качества решения
Проверка нуждаемости (means test)	Верифицируемые данные о доходах и имуществе	Неполный охват неформальной занятости и денежных переводов
Косвенная оценка нуждаемости (PMT)	Наблюдаемые признаки домохозяйства и статистическая модель	Ошибки исключения при устаревании весовых коэффициентов модели
Категориальный метод	Демографический или социальный статус (дети, инвалидность, возраст)	Высокая утечка ресурса к небедным носителям того же статуса
Географический метод	Территориальные карты бедности	Игнорирование бедных домохозяйств в благополучных районах
Общинный (махаллинский) метод	Локальное знание и оценка соседского сообщества	Дискреция, персональные связи, стигматизация заявителя
Самоотбор	Издержки участия, налагаемые на заявителя	Отсевание наиболее уязвимых из-за административных барьеров

Составлено автором на основе [7; С. 27–63.]

Из таблицы видно, что ни один метод не свободен от систематической ошибки, а потому реальные системы всегда комбинируются. Узбекистанская модель сочетает элементы проверки нуждаемости, категориального подхода и общинной верификации, что теоретически повышает точность, но одновременно суммирует риски всех трёх методов, если между ними отсутствует чёткое распределение ответственности.

Отдельного анализа заслуживает категоризация как самостоятельная технология принятия решений. Указ № УП-84 заменил бинарный статус «бедный / небедный» градиентной шкалой из трёх категорий, привязав к ней не только объём, но и тип поддержки: для семей «красной» категории предусматривались меры, обеспечивающие пассивный доход, тогда как для «жёлтой» и «зелёной» категорий акцент смещался в сторону занятости [14]. Принципиально важным элементом дизайна стало сохранение мер государственной поддержки в течение двенадцати месяцев после перехода семьи из «красной» или «жёлтой» категории в «зелёную» [14]. Это решение снимает классическую ловушку благосостояния: домохозяйство перестаёт опасаться, что рост дохода немедленно лишит его всей поддержки, и получает рациональный стимул к легализации занятости. С точки зрения теории принятия решений здесь реализован именно инкрементальный подход в понимании Ч. Линдблома — цель достигается не единовременным изменением статуса, а серией малых обратимых шагов [9; С. 81–82].

Реформа 2026 года продолжила эту логику. Единый социальный реестр, введённый Указом № УП-258, объединил два ранее отдельных информационных контура и заменил цветовую шкалу содержательными категориями: «семья, находящаяся на государственном обеспечении», «бедная семья» и «семья, находящаяся на грани бедности» [15; 16]. Постановлением Кабинета Министров № 35 введён индивидуальный план для семей, включённых в реестр [16]. Тем самым объект управленческого воздействия смещается от статуса к траектории: государство фиксирует не только текущее положение семьи, но и предполагаемый маршрут выхода из бедности. Одновременно возрастает и цена ошибки классификации, поскольку с 2026 года социальные услуги и льготы предоставляются исключительно лицам, включённым в реестр [14; 15].

Распределение ресурсов образует второй, вертикальный срез анализируемого механизма. Решение здесь принимается как минимум на трёх уровнях. На национальном уровне определяются нормативы выплат — так, ежемесячный размер материальной помощи семьям, включённым в Социальный реестр, был установлен Указом Президента от 2 июня 2025 года № УП-91 (в редакции Указа № УП-258) на уровне 420 000 сумов [21], а с 1 июля 2026 года повышен до 450 000 сумов [22]. На региональном уровне формируются целевые ориентиры

снижения бедности. На локальном уровне осуществляется отбор конкретных получателей и формирование индивидуальных планов. Между уровнями возникает классическое отношение принципала и агента: центр обладает бюджетными полномочиями, но не располагает верифицируемой информацией о положении конкретных домохозяйств, тогда как местный агент располагает такой информацией, но имеет собственный интерес в её представлении.

Именно на этом стыке возникает теоретически наиболее значимый институциональный риск. Результаты работы с включёнными в реестр семьями прямо закреплены в качестве критерия оценки должностных лиц: исполнение мер поддержки, предусмотренных индивидуальными планами, отнесено к важнейшим показателям эффективности деятельности районных (городских) хокимов, а Агентство по эффективности управления учитывает состояние исполнения этих планов как отдельный индикатор при оценке руководителей местных органов исполнительной власти [16]. Такая конфигурация позволяет сформулировать проверяемую гипотезу: если один и тот же показатель одновременно выполняет функцию индикатора состояния общества и функцию критерия успешности чиновника, у агента возникает рациональный стимул воздействовать не только на положение домохозяйств, но и на его статистическое отображение, то есть на состав реестра. Косвенным аргументом в пользу этой гипотезы служит асимметрия видимости двух типов ошибок: невключённая семья не порождает бюджетных расходов и не фиксируется в отчётности, тогда как избыточно включённая может быть обнаружена при проверке. Теоретически ожидаемым следствием такой асимметрии выступает смещение административной практики в сторону более строгого отбора, издержки которого несут наименее защищённые домохозяйства — те самые, чей приоритет обосновывается принципом различия Дж. Ролза [11; С. 302–303]. Необходимо подчеркнуть, что изложенное представляет собой теоретическую гипотезу, вытекающую из логики отношений принципала и агента, а не установленный эмпирический факт. Её проверка требует данных, которые в настоящее время регулярно не публикуются: региональной динамики отказов во включении в реестр, статистики обжалований в апелляционных советах и сопоставления состава реестра с независимыми оценками нуждаемости по микроданным обследований домохозяйств.

Наконец, следует учитывать ограниченность монетарного измерителя как такового. Домохозяйство с доходом, незначительно превышающим черту бедности, но лишённое доступа к качественной питьевой воде, отоплению или базовым медицинским услугам, формально не является бедным, хотя по критериям депривации Алкире — Фостера оказалось бы таковым [6; С. 478–479]. Заявленное намерение внедрить индекс многомерной бедности, в том числе в разрезе регионов, следует поэтому рассматривать не как техническое дополнение к действующей методике, а как изменение самой конфигурации принимаемых решений: расширение перечня измерений неизбежно расширяет и круг субъектов, чьи потребности признаются государством легитимным основанием для получения ресурса.

Результаты.

Проведённый анализ позволяет сформулировать несколько взаимосвязанных выводов.

Первое. Механизм государственного выявления бедности не сводится к статистической процедуре и представляет собой трёхконтурную систему принятия решений, в которой нормативный контур задаёт границу, информационный — доказательную базу, а дискреционный — окончательную классификацию конкретного домохозяйства. Локализация ошибки требует отдельной диагностики каждого контура, поскольку меры, эффективные для одного уровня, бесполезны для другого: цифровизация реестра не устраняет методической уязвимости черты бедности, а корректировка черты бедности не снижает дискреционного произвола на местах.

Второе. Институциональная эволюция узбекистанской модели демонстрирует последовательное движение от заявительного принципа к проактивному, от бинарного статуса к градиентной категоризации и от статусной поддержки к траекторной. Каждый из этих переходов теоретически обоснован и соответствует лучшим практикам, обобщённым в исследовании Д. Коуди, М. Грош и Дж. Ходдинотта [7; С. 3–5]. Вместе с тем совмещение нескольких методов таргетирования без чёткого разграничения ответственности между уровнями управления суммирует характерные риски этих методов.

Третье. Основной риск действующей конфигурации носит, по всей видимости, не технический, а стимульный характер. Совмещение в одном показателе функции индикатора общественного благополучия и функции критерия оценки должностных лиц теоретически способно порождать мотив к управлению отчётностью наряду с управлением реальным положением домохозяйств, а асимметрия видимости ошибок включения и исключения — смещать административную практику в сторону более строгого отбора. Данное положение сформулировано как гипотеза, подлежащая эмпирической проверке, и не претендует на статус установленного факта.

Четвёртое. Качество решений о выявлении бедности предлагается оценивать по пяти операциональным критериям: точность классификации, измеряемая отдельно по ошибкам включения и исключения; прозрачность применяемых критериев для самого заявителя; фактическая результативность процедуры обжалования, формально закреплённой за апелляционными советами при районных (городских) хокимиятах; актуальность данных, определяемая периодичностью пересмотра статуса; недискриминационность, исключающая влияние немотивированных признаков на итоговую категорию. Проведённый анализ открытых источников не выявил регулярной публикации показателей ни по одному из перечисленных критериев, что существенно затрудняет внешнюю оценку работы механизма. Данное наблюдение относится к

общедоступным статистическим материалам и не исключает наличия соответствующих данных в ведомственной отчетности.

На основании изложенного представляется целесообразным, во-первых, перейти к регулярной публикации метрик ошибок включения и исключения по регионам, поскольку измеряемое становится управляемым; во-вторых, институционально разграничить орган, устанавливающий целевые показатели снижения бедности, и орган, ответственный за официальную статистическую фиксацию этих показателей; в-третьих, ускорить внедрение индекса многомерной бедности в качестве обязательного дополнения к монетарной черте с расчётом в разрезе регионов; в-четвёртых, рассмотреть возможность региональной дифференциации черты бедности с учётом различий в стоимости жизни; в-пятых, дополнить действующий порядок обжалования регулярной публикацией статистики поданных и удовлетворённых жалоб в разрезе регионов, а также рассмотреть вопрос об организационном обособлении апелляционных советов от той исполнительной вертикали, решения которой они проверяют; в-шестых, распространить практику сохранения мер поддержки в течение переходного периода на все случаи изменения категории, поскольку именно этот элемент дизайна доказал свою эффективность в предотвращении ловушки благосостояния.

Заключение.

Выявление бедности представляет собой одну из наиболее чувствительных функций современного государства, поскольку в этой процедуре абстрактный принцип социальной справедливости превращается в конкретное административное решение о судьбе отдельной семьи. Проведённый анализ показал, что качество такого решения определяется не одним фактором, а согласованностью трёх контуров — нормативного, информационного и дискреционного, каждый из которых способен свести на нет достижения двух остальных.

Опыт Узбекистана за период 2020–2026 годов свидетельствует о существенном институциональном прогрессе: страна перешла к проактивной модели идентификации, создала единую информационную инфраструктуру и внедрила дифференцированные механизмы поддержки, учитывающие траекторию выхода домохозяйства из бедности. Дальнейшая устойчивость этих достижений зависит, однако, от решения задач иного порядка — обеспечения прозрачности критериев, институциональной защиты статистики от административного давления и фактической результативности созданных процедур обжалования решений, принимаемых в отношении гражданина.

Перспективным направлением дальнейших исследований представляется количественная оценка ошибок таргетирования на основе микроданных обследований домохозяйств, а также сравнительный анализ узбекистанской модели с системами социальных реестров стран Центральной Азии, что позволит установить, какие элементы институционального дизайна обладают наибольшей объяснительной силой в отношении достигнутых результатов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Sen A. Poverty and Famines: An Essay on Entitlement and Deprivation. – Oxford: Clarendon Press, 1981. – 257 p.
2. Sen A. Development as Freedom. – New York: Anchor Books, 1999. – 366 p.
3. Townsend P. Poverty in the United Kingdom: A Survey of Household Resources and Standards of Living. – Berkeley: University of California Press, 1979. – 1216 p.
4. Foster J., Greer J., Thorbecke E. A Class of Decomposable Poverty Measures // *Econometrica*. – 1984. – Vol. 52, No. 3. – P. 761–766. – DOI: 10.2307/1913475.
5. Atkinson A. B. On the Measurement of Poverty // *Econometrica*. – 1987. – Vol. 55, No. 4. – P. 749–764. – DOI: 10.2307/1911028.
6. Alkire S., Foster J. Counting and Multidimensional Poverty Measurement // *Journal of Public Economics*. – 2011. – Vol. 95, Issues 7–8. – P. 476–487. – DOI: 10.1016/j.jpubeco.2010.11.006.
7. Coady D., Grosh M., Hoddinott J. Targeting of Transfers in Developing Countries: Review of Lessons and Experience. – Washington, D.C.: The World Bank, 2004. – 109 p.
8. Simon H. A. Administrative Behavior: A Study of Decision-Making Processes in Administrative Organization. – New York: Macmillan, 1947. – 259 p.
9. Lindblom C. E. The Science of «Muddling Through» // *Public Administration Review*. – 1959. – Vol. 19, No. 2. – P. 79–88. – DOI: 10.2307/973677.
10. Lipsky M. Street-Level Bureaucracy: Dilemmas of the Individual in Public Services. – New York: Russell Sage Foundation, 1980. – 244 p.
11. Rawls J. A Theory of Justice. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1971. – 607 p.
12. Banerjee A., Duflo E. Poor Economics: A Radical Rethinking of the Way to Fight Global Poverty. – New York: PublicAffairs, 2011. – 320 p.
13. Постановление Президента Республики Узбекистан от 04.08.2020 г. № ПП-4797 «О дополнительных мерах по автоматизации процедур предоставления государственных социальных услуг и помощи населению».
14. Указ Президента Республики Узбекистан от 08.05.2025 г. № УП-84 «О дальнейшем совершенствовании системы государственной социальной поддержки бедных семей».
15. Указ Президента Республики Узбекистан от 26.12.2025 г. № УП-258 «О мерах по коренному совершенствованию системы предоставления мер государственной социальной поддержки нуждающимся в

социальной защите слоям населения» // Национальная база данных законодательства. – 27.12.2025. – № 06/25/258/1223.

16. Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан от 29.01.2026 г. № 35 «О дополнительных мерах по совершенствованию системы поддержки семей, включённых в Социальный реестр» // Национальная база данных законодательства. – 02.02.2026. – № 09/26/35/0101.

17. О стоимости минимальных потребительских расходов // Национальный комитет Республики Узбекистан по статистике.

18. Уровень бедности в Узбекистане за 2024 год сократился до 8,9 % // Gazeta.uz. – 03.02.2025.

19. ЦЭИР представил анализ уровня бедности и доходов населения в Узбекистане по итогам 2025 года // ИА «Дунё». – 31.12.2025.

20. В Узбекистане с задержкой обновили черту бедности, она повышена до 715 тысяч сумов в месяц // Gazeta.uz. – 05.03.2026.

21. Указ Президента Республики Узбекистан от 02.06.2025 г. № УП-91 «О повышении размеров заработной платы, пенсий, стипендий и пособий» (в редакции Указа от 26.12.2025 г. № УП-258).

22. Указ Президента Республики Узбекистан от 23.06.2026 г. № УП-115 «О повышении размеров заработной платы, пенсий, стипендий и пособий».